

УДК 82: 801.6:82 -1/-9

Р. М. Мейрамғалиева

к. ф. н. доцент Казахского национального университета им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан
e-mail: mrm.raigul@mail.ru

Полисемантическая структура произведений Чингиза Айтматова

Статья посвящается анализу полисемантической структуры произведений Чингиза Айтматова: повести «Джамиля», романов «Плаха» и «Буранный полустанок». Названные произведения объединяют, по словам автора, творческие искания героев, творческое использование художником мифов, созданных народом, в которых заключены немалые художественные возможности.

В статье анализируется повесть «Джамиля», которую Луи Арагон назвал «самой прекрасной повестью о любви» которую перевел на французский язык, и это произведение стало читаемой во многих странах мира.

Тема настоящей любви нерасторжимо сплетена в повести с темой настоящего искусства, вливающего в человека новые силы, открывающего ему подлинную красоту и правду.

Научное наблюдение творческой лаборатории Чингиза Айтматова при написании романа «Плаха» посвящено анализу кризиса нравственности, этой всеобщей беде человечества, расшатавшего собственные опоры существования. Три разные по композиции части романа раскрывают нравственные устои человечества.

Заключительной частью статьи является показ полисемантической структуры романа «Буранный полустанок» Чингиза Айтматова, где затронуты три цикла из жизни: картины жизни маленького железнодорожного полустанка, его немногочисленных обитателей, беззаветных, честных тружеников, брошенных судьбой за границу Сары-Озекских пустынных земель; миф о Найман-Ане и её сыне-манкурте; фантастическая история космонавтов с американо-советской орбитальной станции «Паритет».

Ключевые слова: творческая лаборатория, мастерство писателя, полисемантическая структура, проблематика произведения, утрата нравственных традиций, жертвенная доброта.

R. M. Meiramgalyeva

Polysemantic structure of works of Chingiz Aitmatov

Article is dedicated to the analysis of the polysemantic structure of works of Chingiz Aitmatov: story "Jamilya", novels "Scaffold" and "Buran stop." According to the author above works are grouped together the creative quest heroes, creative use of myths created by the people by artist, which enclose considerable artistic possibilities.

The article analyzes the novel "Jamila" as Louis Aragon called "the most beautiful story about love", which he translated into French, and this work was widely read throughout the world.

The theme of this love inextricably woven into the story with the theme of this art, poured into new human force that opens him the true beauty and truth.

Scientific observation of creative laboratory of Chingiz Aitmatov during writing the novel "scaffold" is devoted to analysis of the crisis of morality, this universal human distress, cranky own supports existence. Three different in composition of the novel reveal the moral foundations of mankind.

The final part of the article is to show the Polysemantic structure of the novel "Buran stop" Chingiz Aitmatov, where three points of the cycle of life: the life of a small picture rail way station, its few inhabitants, selfless, honest workers abandoned fate abroad Sary Ozek desert lands; myth of Naiman-Ana and her son-Mankurt; fantastic story of astronauts with the US-Soviet space station "Parity".

Key words: art laboratory, skills of writer, Polysemantic structure, problematic of work, loss of moral traditions, sacrificial kindness.

Р. М. Мейрамғалиева

Ш. Айтматовтың шығармаларындағы көп семантикалық құрамалары

Бұл мақалада Ш. Айтматовтың «Жәмила», «Жанпидя» және «Боранды бекет» атты шығармаларындағы көп семантикалық құрылымдары зерттеледі. Автордың айтуы бойынша, бұл шығармаларды ұйымдастыратын ортақ мәселелер – ол бейнелердің шығармашылық ізденісі, жазушылардың мифті пайдалануы және басқа шығармашылық құбылыстарды табу жолдары.

Мақала «Жәмила» повесін Луи Арагон «самая прекрасная повесть о любви» – деп айтқаны және француз тіліне аударып, бүкіл әлемге танытқаны анықталады. Бұл шығармада махаббат тақырыбы және өнер тақырыбы қандай күш-қайрат өмірге әсер ететініне көзіміз жетеді.

Ш. Айтматовтың «Жанпида» атты романындағы үш композициялық бөлшектері қалай адамгершілік проблемасымен біріктілуі байқалады.

Ш. Айтматовтың «Буранный полустанок» атты романындағы үш көп семантикалық құрамалары дәлелденеді және мәнгүрт мәселесі зерттеледі. Адамның бойындағы естелік сарыны романның негізгі мәселесі болғаны дәлелденеді.

Мақаланың соңында Ш. Айтматовтың шығармаларындағы пайдаланған көп семантикалық құрамдар ерекше болып табылады.

Түйін сөздер: шығармашылық лаборатория, жазушының шеберлігі, көп семантикалық құрылым, шығарманың өзекті мәселесі, адамгершілік дәстүрдің жоқтығы, мейірбандық мінез.

Художественный мир Чингиза Торекуловича Айтматова во всей его возможной полноте исследования пока что никому не удавалось описать - ни тем, кто брался лишь за эстетический анализ, ни тем, кто собирался проследить эволюцию творчества писателя.

Трудность, думается, составляет передача доли человеческой личности, которая живет одновременно и в произведениях, и за пределами художественно зафиксированной формы, тем более сам Чингиз Айтматов сказал, что «за пределами книги обычно остается еще много такого, что живёт в нас в ожидании своей формы, своего образного выражения» [2, 13].

Произведения Чингиза Торекуловича Айтматова принадлежат к числу самых читаемых и почитаемых не только в независимых государствах Народов Содружества, но и во всем цивилизованном мире.

Казалось бы, поколением, предшествующим Айтматова, затронуты все темы и вроде исчерпаны все художественные методы и способы литературного отражения мира. Следует подчеркнуть, что писатель, обращаясь, казалось бы, к тем же проблемам и темам, используя, в целом, те же художественные методы, заново пересмотрел, существенно дополнил литературу, открытые классиками – единомышленниками, и это «дополненное» в контексте общечеловеческой эстетической культуры налагает на его творчество свою печать, выдвигает его вперед как знамя глубокой передовой мысли.

В этом «открытий» прежде всего и состоит новизна творений Чингиза Торекуловича Айтматова.

В произведениях писателя кардинальные проблемы человечества ставятся на повестку дня по-новому: в ней воспеваются величавость Человека, благодатность Природы и вечность Жизни.

В произведениях писателя изображается действительность, повседневность, в которой проходит наше бытие, но сквозь неё про-

сматривается совершенство жизни, к которому мы стремимся.

Художник реалистично описывает его как в простом, так и в сложном процессе, проследживает разные срезы и слои жизни в их противоречии и диалектической взаимосвязи: бездушие и нравственность, горе и радость, поражение и победу, горькие слезы и счастливые улыбки, плутовство и честность.

Главное - не в финалах произведений, трагических и счастливых, главное в том, что художник заставляет читателей переживать, сочувствовать героям произведения – и тем самым он как бы возлагает на них ответственность за все, что делается на земле.

Плеяда писателей, литературоведы и критики справедливо отмечают, что творчество Чингиза Торекуловича Айтматова стало подлинным образцом мастерства, оно внесло весомый вклад в развитие литературы многих народов, и прежде всего в аспекте межлитературного взаимодействия и взаимообогащения.

Свое творческое кредо писатель сформулировал следующим образом: «Самые возвышенные и самые простые материи, которым оперирует литература, в конечном счете, должны возрождать всё лучшее в нас, в людях. А это значит способствовать воспитанию в человеке добра, раздумий о разумном и справедливом устройстве жизни на земле, раздумий о судьбе современного человека, о его настоящем и будущем» [3, 202].

«Учитывая это, можно понять, почему видный французский писатель Луи Арагон не только перевел на свой язык повесть «Джамиля» молодого тогда Айтматова, но и с полемическим задором назвал её в предисловии «самой прекрасной на свете повестью о любви». Эта высокая оценка небольшого произведения, повествующего о том, как киргизская женщина, красавица, нарушив вековые обычаи, ушла из дому, ушла с хромым солдатом Данияром, вызвана прежде всего тем, что

в «Джамиле» поэтически концентрированно выразилось самое существо новой этики и новой эстетики...

Не случайно столь большое место в повести о любви Джамилы и Данияра занимает образ повествователя – подростка, младшего брата Садака.

Мальчик – повествователь вырос, стал художником. Бывают у него неудачи, тяжелые минуты. Тогда подолгу смотрит он на свою дипломную работу – картину, на которой изображены, уходящие в даль по осенней степной дороге Данияр и Джамилы...

«Я смотрю на них и слышу голос Данияра. Он зовет меня в путь-дорогу – значит, пора собираться. Я пойду по степи в свой аил, я найду там новые краски.

Пусть в каждом мазке моем звучит напев Данияра! Пусть в каждом моем бьется сердце Джамилы!» [1, 143].

Так кончается эта повесть. И в высшей степени символично, что тема настоящей любви нерасторжимо сплетена в ней с темой настоящего искусства, вливающего в человека новые силы, открывающего ему подлинную красоту и правду» [4, 304].

В многочисленной критической литературе, вызванной появлением романа «Плаха» Чингиза Айтматова, при всей разноречивости оценок, дискуссионности мнений и т.д., одно соображение как было, так и до сих пор остается общим и неизменным: проблематике и героям, но и по жизненному материалу, темам. В этом сходились и в 1986 году, когда роман печатался в «Новом мире», и в 1987-м, когда его прочитало большинство.

Роман заставлял думать не о внутрилитературных проблемах, не о композиции, а о больших, общечеловеческих ценностях, о тех вечных темах, над которыми издавна билось мировое искусство и, может быть, в особенности русская литература. Не по этой ли причине всякий чисто литературный разговор, начатый о «Плахе», неизменно соскальзывал в круг внелитературной проблематики – от экологии и наркомании до проблемы гибели цивилизации, или по терминологии одного из героев романа: конца света, второго пришествия и страшного суда.

Публицистичностью романа на первых порах объясняли чуть ли не все его особенности, в том числе и чисто романную структуру – способ подачи материала, композиционную разорванность, словарь, отдающий, по словам

одного из критиков, «газетой» даже тогда, когда изображаются сцены из библейской истории. Тот незначительный и малопоказательный, по словам самого Айтматова, чисто случайный, что вторая часть романа была напечатана не вслед за первой, а через номер, лишь укреплял во мнении о крайней спешке написания романа, то есть опять-таки о его газетной природе. Именно в этой связи почти все говорили о композиционной неслаженности произведения, поскольку три сюжета, из которых он состоит (тема волков и их гибели, история Авдия, а затем Бостона) существуют как бы раздельно друг от друга, в некоем почти безразличном порядке.

Это обстоятельство дало повод одному из критиков назвать роман «кентавром» [5, 12], а одному из участников читательской конференции именовать его «химерой», неким чудищем о трех головах, глядящих в разные стороны.

Появлению, написанию, непосредственному, выражаясь старинным слогом, «акту творения», в результате которого появился роман, предшествовала боль художника, уви-девшего воочию «пожар в собственном доме» – в доме своей страны и в общем доме чело-вечества.

Конечно, не анашисты, надо думать, были первым толчком, побудившим создать роман-призыв, роман-тревогу, роман-предостережение.

Поэтому уместно, что в романе не могло не иметь значения то, что одурманивающее зелье, ставшее как бы символом всемирного зла, заключающегося в беспамятстве, произрастает не где-то за морями, за горами, в иноземных странах, издавна улаждающих себя гашишем-опиумом, а в родных степях Киргизии, на Моюнкумских просторах, богатых, как оказалось, буйными зарослями травы, считавшейся простым сорняком, но вдруг обнаружившей свое родство с далекой и экзотической марихуаной.

Вот почему, одна из важнейших фабульных (но не сюжетных) линий в романе связана, как мы знаем, именно с добыванием дикой конопли – необычайно прибыльным делом, которым занялся преступный мир.

По общему мнению критиков, в композиции, идейно-смысловом движении романа центральную, кульминационную роль играет вторая, средняя часть произведения. В ней сосредоточен наиболее важный и, по видимости, наиболее взрывчатый идеологический и философский комплекс, связанный с Христом, идеей

возмездия, распятием и гибелью Авдия и быстро приближающейся к развязке трагической историей волков.

Третья, заключительная глава обычно трактуется как наиболее традиционная для творчества Чингиза Айтматова. И действительно, после иерусалимских сцен, после достаточно экзотической истории с анашистами и страниц, посвященных истреблению сайгаков, после распятия Авдия, мы знакомимся с жизнью людей, занятых обыкновенной работой на чабанских пастбищах, живущих в обычном для тех мест поселке, погруженных в немудреный быт и повседневные хозяйственные и производственные заботы. И сами фигуры кажутся нам достаточно знакомыми, почти примелькавшимися, поскольку передовых рабочих, болеющих за своё дело, консервативных, бюрократичных начальников мы не раз встречали не только у Чингиза Айтматова, но и у других писателей. Есть и новый, правда, тоже уже знакомый конфликт, связанный с бригадным порядком, с необходимостью усиления личной заинтересованностью и т.д., - словом, после теологических и философских дискуссий и тех забот, которыми был обуреваем Авдий, жизнь Бостона, его стычки с Базарбаем, с директором Чотбаевым и парторгом Кочкорбаевым кажутся резко приземленными, накрепко привязанными к быту, к повседневному существованию. Степи и предгорья, где пасутся отары овец чабана Бостона, составляют одно целое с великой Моюнкумской саванной. Всё, что произошло в первых двух главах, случилось не за тридевять земель, а совсем рядом. Тому одно из первых свидетельств – волки, Акбара и Ташчайнар, пришедшие к горам, где чабанит Бостон, чтобы снова вывести волчат, погибших при облаве на сайгаков. Акбара, надо думать, только что видела распятого Авдия и, может быть, слышала, обращенные к ней прощальные слова: «Ты пришла...» [1, 239]. Акбара помнит человеческую ласку и уже знает человеческую беду, удивительно сходную с её собственной болью. Общая боль и страдания как бы породнили их перед лицом жестокого мира. Она не могла забыть, как доверчиво и ласково Авдий играл с волчатами. Акбару и Ташчайнара хорошо знали местные чабаны – эта великолепная пара время от времени появлялась в их краях. Так неожиданно смыкается мир, такой, казалось бы, несоединимый: животный и человеческий. Писатель тем самым связывает в одно целое все три главы своего лишь внешне

разорванного произведения. Трагический мотив гибели животных, начавшийся в первой части и надрывно и болезненно прозвучавший во второй перешел теперь в заключительную часть произведения, чтобы ещё раз, знаменательно и символично сомкнуться с темой человеческой вины и неотвратимости возмездия.

В романе «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова затронуты три цикла из жизни: картины жизни маленького железнодорожного полустанка, его немногочисленных обитателей, беззаветных, честных тружеников, заброшенных судьбой за границу Сары-Озекских пустынных земель; миф о Найман-Ане и её сыне-манкурте; фантастическая история космонавтов с американо-советской орбитальной станции «Паритет». Мотив памяти, тревожное предостережение против бездумной утраты нравственных традиций народа звучат в романе «Буранный полустанок» (1980).

Таким образом, полисемантическая структура повести «Джамиля» характеризует то лучшее, что присуще этике нового общества и эстетике новой литературы. Любовь в ней показана во всей её силе, но не сведена лишь к неистребимой жажде плоти; любовь в ней возвышена, но не вознесена в бесцветные сферы абстрактных построений, равно пригодные для всех времен и народов, Жаркая и живая любовь – как дитя возрождения, принесенного социальной революцией, и как одна из могучих сил этого возрождения, - так решает эту вечную тему Чингиз Айтматов.

Роман «Плаха» посвящен анализу кризиса нравственности, этой всеобщей беде человечества, расшатавшего собственные опоры существования.

Волчица Акбара, снова лишившаяся волчат, украденных из её логова Базарбаем, мучимая материнским инстинктом, крадёт маленького Кенджеша, ребёнка Бостона и Гулюхан. В погоне за волчицей Бостон стреляет и вместо волчицы убивает сына, После этого ему ничего не остается, как убить Базарбая, ставшего виновником всей трагедии.

Как видим, гибнут и правдоискатель Авдий, последовавший подобно своему великому предшественнику на плаху, гибнет и Бостон, хотевший спасти волчат, вернуть их волчице, но убивший сына, гибнет Акбара, гибнут прекрасные животные саванны – сайгаки. Не гибнет ли мир? – вот вопрос, который подготовлен всеми тремя трагическими главами – фресками, как бы развернувшими перед нами широкую и

трагическую панораму всемирной истории человечества.

Роман «И дольше века длится день» выявила трагедию многочисленных народов, оказавшихся в бывшем Союзе на грани языковой, геохозяйственной, культурно-исторической катастрофы. Спротивление манкуртизации стало для них вопросом непреходящей актуальности. Иначе говоря, сошедшая с айтматовских уст горькая правда жизни, пусть изложенная техникой художественного вымысла, встрях-

нула и вызволила нации и народности из наркотического опьянения. И в наши дни, проблема манкуртизма в своем модернизированном и выросшем до государственного уровня, согласитесь, существует.

Следует подчеркнуть, что все вышеназванные произведения посвящены кризису нравственности, этой всеобщей беде человечества, расшатавшегося собственные опоры существования.

Литература

- 1 Чингиз Айтматов. Полное собрание сочинений в 8-ми томах. – Т.3. – Алматы, 2008.
- 2 Бочаров А.Г. Современная русская советская литература. – В 2-х частях. – Часть 2. – Москва: Просвещение, 1987.
- 3 Шошин В.А. Литература народов СССР. – Москва: Просвещение, 1982.
- 4 Андреев Ю.А. Советская литература. – Москва: Просвещение, 1988.
- 5 Анненский Л. Скачка кентавра // Дружба народов. – 1986. – № 12.

References

- 1 Chingiz Aytmatov. Polnoe sobranie sochineniy v 8-mi tomah. – T.3. – Almaty, 2008.
- 2 Bocharov A.G. Sovremennaya russkaya sovetskaya literatura. – V 2-h chastyah. – Chast' 2. – Moskva: Prosveschenie, 1987.
- 3 Shoshin V.A. Literatura narodov SSSR. – Moskva: Prosveschenie, 1982.
- 4 Andreev Yu.A. Sovetskaya literatura. – Moskva: Prosveschenie, 1988.
- 5 Annenskiy L. Skachka kentavra // Druzhba narodov. – 1986. – № 12.